

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Ю.В. Олейников

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БЕСПЛОДНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Аннотация. В настоящее время, когда развитие материальных средств преобразования окружающего мира обуславливают возможности прямо противоположных сценариев эволюции планетарного социоприродного Универсума, чрезвычайную актуальность приобретают прогностическая и практическая функции социальных наук, призванных адекватно отражать происходящие в обществе перемены и нацеливать на положительное решение встающих перед ним принципиально новых проблем. Современные социальные науки, оставаясь в тисках устаревшей мировоззренческой парадигмы, не справляются с этой задачей. Выявление концептуальной бесплодности социальных наук должно способствовать преодолению их стагнации. Научно-философский и конкретно-исторический методы анализа зарождения и развития отечественной философии и социальных наук в России и методология смены мировоззренческих и научных парадигм Томаса Куна позволяют выявить реальные причины концептуальной бесплодности социогуманитарных наук, коренящиеся в некритическом заимствовании западных теорий социального развития, организации отечественной науки и образования, их идеологической ангажированности и узкой специализации учёных-обществоведов. Чувственно-зримое изменение места и роли человека в бытии планетарного социоприродного Универсума обуславливают настоятельную необходимость коренной трансформации господствующей мировоззренческой парадигмы, что с неизбежностью должно привести к качественному преобразованию всей совокупности парадигмальных концепций социальных наук и стимулировать их развитие в принципиально новом направлении для достижения практической цели безграничного развития человечества в пространстве и времени.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, парадигма, наука, образование, креативность, развитие, идеология, экспертиза, отрицание.

Abstract. At the present stage, when the development of material means of transformation of the surrounding world substantiates the possibilities of the antithetical scenarios of evolution of the planetary socio-natural Universe, the extreme relevance gain the forecasting and practical functions of social sciences, which are called to adequately reflect the changes that take place in society, as well as aim at the positive solution of the new drastically new issues arising before them. The modern social sciences, remaining in the grip of the old-fashioned worldview paradigm, are unable to handle this task. Determination of the conceptual fruitlessness of social sciences should encourage the overcoming of their stagnation. The scientific, historical-philosophical, and specific-historical methods of analysis of conception and development of the Russian philosophy and social sciences in Russia, as well as methodology of paradigm shift of Thomas Kuhn, allow defining the actual reasons of the conceptual fruitlessness of socio-humanitarian sciences that take their roots in the uncritical borrowing of the Western theories of social development, organization of the Russian science and education, and their ideological bias and niche specialization of the social scientists. The sensory-visual change of the human place and role in being of the planetary socio-natural Universe justifies the crucial need for the drastic transformation of the dominant worldview paradigm, which will inevitably lead to the qualitative reformation of the entire combination of the paradigm concepts of social sciences, as well as contribute into their development in a completely new direction for the purpose of achieving the practical goal of the limitless development of a human in space and time.

Key words: ideology, development, creativity, education, science, paradigm, worldview, philosophy, expertise, denial.

В разгар перестройки в СССР для многих граждан Советского Союза остро встал вопрос: почему ни философия, ни другие социальные науки и ведущие политики ничего не знали и даже не предполагали о возможности предстоящих судьбоносных социальных катаклизмах в СССР, в других странах Варшавского Догово-

ра и в так называемом социалистическом лагере? Почему не только обществоведы соцстран, но и те, кто проповедовал иные социальные теории за рубежом, по признанию их ведущих советологов, не предвидели быстрое и кардинальное изменение социального устройства, политической организации общества, идеологии, культуры, ценностей

и приоритетов во многих, казалось, стабильных государствах? Почему в то время никто не предполагал те следствия в бытии планетарного человечества, которые последовали за развалом стран социалистического содружества?

Фактически эти вопросы, за редким исключением [1], до сих пор остаются без должного глубокого и всестороннего научного осмысления на сущностном уровне. В обширнейшей литературе, посвящённой этой тематике, анализ, как правило, ограничивается выявлением влияния отдельных личностей на этот процесс и конкретных причинно-следственных явлений, возникших в силу тех или иных объективных и субъективных обстоятельств, приведших к известному результату. Последние в свою очередь определяются опять же способностью всей совокупности социальных наук и философии адекватно осмысливать реальные процессы бытия общества. В связи с этим возникает очередной вопрос: что мешает социальным наукам и философии ставить и решать актуальные проблемы бытия человечества? Этот вопрос приобретает особую актуальность в наше время, когда в силу использования нанотехнологий и коренного изменения места и роли человека в природе и обществе, перед обществом реально возникла альтернатива социоплаченного изменения эволюции планетарного социоприродного Универсума – самоуничтожение человечества или целенаправленное обеспечение его безграничного существования в пространстве и времени.

В вышедшей в 2015 г. в России фундаментальной работе английских исследователей А. Вудса и Т. Гранта, причины низкого эвристического потенциала социальных наук на Западе усматриваются в традиционном, для англосаксонской науки, пренебрежительном отношении к метафизике и слабом знакомстве их специалистов с диалектикой Гегеля и Маркса и, следовательно, ограниченностью познания простых причинно-следственных связей с помощью формально-логического метода мышления и их неспособностью адекватно оценивать и описывать сложные процессы бытия общества.

Причины концептуальной бесплодности социальных наук в России видятся несколько иначе. Называя весь советский период развития СССР сталинизмом, т.е. временем господства бюрократического режима, удушающего свободу развития науки, авторы пишут, что более чем за шесть десятилетий «советские марксисты оказались не в состоянии прибавить ничего нового к тем идеям, которые озарили Маркса», советская «бюрократия не смогла внедрить ни одной оригинальной идеи в теоретический арсенал марксизма» [2, с. 491].

С подобной оценкой можно согласиться отчасти. Она верна лишь относительно одной стороны проблемы. Господствовавшая идеология и бюрократическая система власти, действительно, не способствовали исследованию истинного бытия социума. Но почему и в постсоветское время, когда, казалось бы, появилась свобода слова и научного творчества, когда большинство бывших советских философов и представителей других социальных наук, отказавшись от коммунистической идеологии, предали анафеме марксизм-ленинизм и стали демонстрировать оголтелый антикоммунизм, современные социальные науки остаются концептуально бесплодными? За тридцать перестроечных лет они практически не родили ни одной заслуживающей внимания идеи, не разрешились ни одной концептуальной теорией, которая бы стала руководством к действию в социальной практике или, на худой конец, вызвала живой интерес в кругах общественности или хотя бы в научном сообществе.

Видимо причину бесплодности российской социальной философии и социальной науки в целом надо искать в другом. Её корни лежат намного глубже названных выше обстоятельств и видятся, в частности, в истоках зарождения социального знания в стране.

Дело в том, что наука в целом и философия в их подлинном понимании не родились на отечественной почве. Они не стали продуктом собственного развития, а в силу хронического отставания России от Западной цивилизации, были в готовом виде заимствованы на продвинутом Западе. Это – импортный продукт [13, с. 48-52]. У нас до сих пор так и не сложились культура, методология и потребность самостоятельной постановки, осмысления и решения философских проблем бытия социума, а в их контексте и сугубо специфических проблем конкретных социальных наук, опирающихся на философские мировоззренческие представления и методологию социальных исследований. На протяжении всей истории русской, советской и российской деятельности в области философии и социальных наук наши усилия ограничивались пропагандой, комментированием, интерпретацией или критикой различных философских систем и научных теорий, концепций, гипотез, идей, предложенных западной философией и наукой. И здесь мы бесспорно сильны и можно назвать много блестящих исследований и имён в области истории философии и социальных наук, чего не скажешь о собственных оригинальных концепциях и теориях, принятых официальной наукой и доступных для общественности. Эта тенденция распространяется и относительно собственных отечествен-

ных исследований, которые по большей части являются комментариями комментариев, критикой критики, интерпретацией интерпретаций. Часто эти работы строятся по схеме: «А» полагает, «Б» возражает, «В» уточняет, «Г» соглашается ... и т.д. Что же предлагает сам автор, какова его концепция, что нового по существу он хочет сказать? Этого нет в подавляющем большинстве не только рядовых публикаций, но и в докторских диссертациях, которые, согласно инструкции ВАК, должны быть самостоятельными оригинальными концептуальными исследованиями, содержащими новое знание. Подобный стиль характерен и для толстых индивидуальных монографий и коллективных трудов, где, по большому счёту, авторская работа заключается в компоновке материала и комментариях уже известного. Авторы подобных публикаций «полагают, – как считает А. Камю, что учёность, которая заключена в их цитатах принадлежит им...» [4, с. 106]. Словом, «вместо философии у нас одни комментарии, а вместо философов, занимающихся философией, – профессора философии, занимающиеся философиями» [5, с. 98].

Изложенное суждение, кстати, также не является оригинальным. Подобные оценки можно встретить в работах бесчисленного множества исследователей разного уровня компетенции и иерархии в научном сообществе.

Чем, кроме заимствования с более продвинутого в области философского знания и социальных наук Запада, объясняется подобная ситуация? Одной из причин является сложившаяся система преподавания философии и других учебных дисциплин. Пока школяры штудируют то, что было когда-то ново для тех, кто был творцом теоретической концепции или философской теории, и безуспешно пытаются найти им аналог на своей почве, наука и философия в странах-донорах шагнула вперёд, родила новые идеи и пошла дальше. Отстающим остаётся только догонять. Ситуация похожа на сюжет Зенона о состязании Ахилла с черепахой. Черепаху развития знаний никогда нельзя догнать пока исправно штудируешь зады науки и философии, а не пытаешься сам предложить что-то принципиально новое, не решаешь самостоятельно вопросы, поставленные самим реальным бытием социоприродного Универсума. К сожалению, наша система гуманитарного образования не нацелена на формирование навыков самостоятельного творческого постижения действительности и осмысления реального бытия социума. Она культивирует носителей готового знания, созданного кем-то ранее и пригодного для определённого прошедшего или в лучшем случае текущего времени, работающего

в определённых, уже известных, обстоятельствах. Эта система образования в массе своей, следовательно, культивирует рутинеров и начётчиков, а не креативных специалистов, способных предлагать собственное видение ставшего, а тем более ставить и решать перспективные проблемы.

В свою очередь подобная ситуация в системе образования обуславливается рядом задач социальной жизнедеятельности реального социума. Каждый конкретный социальный организм стремится к сохранению собственной целостности, своей идентичности. Достижению этой цели служат идеология, система образования и социальные науки, которые правящий режим использует для сохранения социальной стабильности и собственного статус-кво. Поэтому названные сферы деятельности находятся под неусыпным контролем, и их достижение строго сепарируются с тем, чтобы отсеять всякие неудобные социальной системе и режиму идеи. Для отсеивания неприемлемых для них научных исследований и разработок, публикаций и учебных программ создаются различные административные и общественные институты, структуры и организации: министерства, научные фонды, экспертные и редакционные советы, учёные советы, научные общества, академии и пр., которые официально позиционируются как институты, призванные служить организации научной деятельности и развитию науки. В известной степени они этому способствуют. Но понятно, что собственно научной деятельностью занимаются не они, а конкретные исследователи. И никакие подобные организации не способны предложить ни одной научной идеи или теории, но не дать хода или зарубить новое научное направление, теорию, идею им вполне доступно и они это делают [6]. Последнее часто происходит не только по причине защиты интересов господствующей социальной системы или режима, а и в силу некоторых личных качеств, интересов и компетенции людей, представляющих названные организации, и специфики развития самой науки.

По большому счёту, участие или работа в названных структурах практически ничего не даёт человеку в плане его творческой научной деятельности, за исключением знакомства с предложенными для обсуждения работами. Но быть членом учёного диссертационного совета, экспертного совета ВАК или какой-либо иной структуры престижно. Подобная ситуация характерна и для административной иерархии (дирекция, отделы, сектора, группы, лаборатории, центры и т.д.), где работа за занимаемую должность оплачивается. Это удовлетворяет некоторые претензии и амбиции человека на участие в определении путей развития нау-

ки и т.п. Кроме того часто такая деятельность даёт некоторые дивиденды в получении возможности публиковаться, получать гранты, командировки, увеличивать круг знакомств и некоторые другие привилегии, какими не пользуются другие члены научного сообщества. Поэтому, что греха таить, в такие структуры часто стремятся не столько подлинники творцы, сколько люди с амбициями и те, для кого важны пресловутый «административный ресурс» и карьерный рост. Правда, в этом ряду есть счастливые исключения. Это те, кто по призванию администраторы, редакторы, организаторы.

Особый слой составляет бюрократия научных организаций. Часто их чиновники не являются учёными – людьми, ведущими самостоятельные научные исследования. Они порой не имеют научные степени и звания и довольно плохо представляют себе специфику научного творчества. Поэтому, как и всякие деятели бюрократических структур, они, по сути дела, заняты вопросами организации, структурирования, регламентации, планирования, отчётности и финансирования научной деятельности. Сейчас такая деятельность ФАНО, которой поручено реформирование РАН, «связала по рукам и ногам» работу академических институтов. Её стремительно разросшийся бюрократический аппарат, как муравьиная матка, плодит бесконечный поток административных законов, предписаний, инструкций, норм, правил, словом, бумаг, в потоке которых буквально захлёбываются исследовательские институты, а формы планирования научных исследований и показатели отчётности о проделанной работе (ориентирующие на заранее установленный ими результат), практически свели на нет активность самих учёных в определении актуальности, перспективности и научно-практической значимости собственных исследований [7, с. 21-31]. Такая регламентация несовместима с фундаментальной наукой вообще и философией в частности, поскольку последняя занимается главным образом сугубо теоретическими, мировоззренческими проблемами.

Говорят, что для того, чтобы управлять той или иной сферой деятельности не обязательно самому чиновнику быть специалистом в конкретной области деятельности. К примеру, Л. Берия не будучи физиком успешно курировал Атомный проект. Люди из партноменклатуры бросались на прорывные участки народного хозяйства, предприятия, отрасли промышленности и справлялись. Но, как правило, там они занимались сугубо административно-хозяйственной деятельностью. Совсем другое дело – управление социальными организациями либо творческой деятельностью: искусством, наукой. СССР потерпел поражение во

многом потому, что с определённого времени во главе его стали технари, которые имели смутное представление о сложности и особенностях управления той социальной системой, которой управляли. Известны попытки регламентации искусства и их последствия. Ещё более зримо разрушительные последствия непосредственного управления наукой со стороны дилетантов-бюрократов: генетика, кибернетика, социология, философия и др.

Словом, управлять научным творчеством сложно, если вообще возможно. Бесспорно одно: чтобы быть на острие современных запросов бытия человечества, научное творчество и научная деятельность должны быть максимально свободны в плане определения конкретных тем и объектов исследования, публикации и озвучивании целей, результатов и последствий исследования научных достижений на практике.

О механизмах оценки творческой деятельности, значимости и ценности научной деятельности давно идут жаркие споры. Так ещё К. Маркс задаваясь вопросом о том, кто должен решать проблему компетентности учёных и оценивать результаты исследований, полагал, что «всякий учёный причисляет своих критиков к «некомпетентным авторам». К примеру, Кант не признал бы компетентным Фихте, Птолемей – Коперника. Подразделение на «компетентных» и «некомпетентных» не нужно тем, кто является компетентным, потому что компетентные когда-никогда себя проявят сами. Это подразделение нужно «некомпетентным», которые хотят защитить себя внешней привилегией...» [8, с. 77]. Судить о компетентности, по Марксу, должны не заинтересованные в своём деле люди. Против учёных-экспертов в оценке деятельности и решении о фундаментальных вопросах науки и бытия общества был и П. Фейерабенд. Он полагал, что в демократическом обществе зрелость его граждан «более важна для развития общества и науки, чем специальное знание» и «участие простых людей в принятии фундаментальных решений необходимо» [9, с. 128, 198]. Для этого нужно использовать весь арсенал знаний, накопленных не только наукой, но и вненаучным знанием и опытом.

Вопрос о необходимости экспертных советов остаётся открытым. Ясно одно. Сейчас, когда наука стала чрезвычайно специализированной и учёные одной специальности, работающие в смежных областях, к примеру, гносеологии и социальные философы, порой говорят на разных языках и не понимают друг друга, не компетентны в проблематике коллег. Они не в состоянии судить о сложных специальных вопросах в близких областях знания. Ещё большими дилетантами являются «простые люди». Трудно

рассчитывать на объективность и независимость экспертиз в капиталистическом обществе, где всё, включая науку, стало товаром – предметом купли-продажи. Тем не менее в условиях, когда вопрос выживания человечества зависит от деятельности даже одного конкретного человека, настоятельно требуется решение проблемы компетентности не только самих учёных, но и экспертных советов, их дееспособности и практической значимости. Видимо, до тех пор, пока в обществе господствует стремление к наживе и человек не стал целью жизнедеятельности всех и каждого, эта проблема не может быть решена удовлетворительно. Но уже сейчас ясно, что нужна коренная перестройка всей системы организации и осуществления развития науки, подготовки научных кадров, планирования и оценки их деятельности. Первым шагом в этом направлении может быть организация системы независимой экспертизы из представителей мирового научного сообщества, организованное с помощью современной компьютерной техники.

Причины негативной роли научных структур разного уровня концептуальной бесплодности социальных наук обусловлены ещё и факторами, присущими закономерностям развития самой науки. Практика подтвердила правоту утверждений Т. Куна о том, что развитие науки проходит разные этапы: революционный период становления новой научной парадигмы (или мировоззренческой парадигмы в философии) и период существования так называемой «нормальной науки». По существу, период формирования новой мировоззренческой парадигмы – это время выдвижения научной гипотезы, коренным образом меняющей господствующее представление о месте и роли человека в природе и обществе или о каком-либо ином предмете или методе научного познания. Словом, новая парадигма – это принципиально иное видение и толкование познаваемого объекта. Это новое видение объекта познания пробивает себе дорогу сквозь сложившуюся прежде парадигму и сопротивление её адептов становящемуся новому знанию. Этот процесс часто сопровождается драматическими коллизиями непризнания нового, травлей и ostracismом его инициаторов и носителей, их преследованием, шельмованием, обвинениями в некомпетентности, авантюризме и других грехах. Порой дело кончается нервными срывами, психическими и соматическими болезнями и даже суицидом творцов нового, идеи которых по прошествии времени будут приняты большинством не только научного сообщества, но и «простых граждан», а с самих творцов сняты обидные ярлыки, и они будут провозглашены гениями, пророками, светочами науки. Это Со-

крат, Джордано Бруно, Галилей, Коперник, Дарвин, Мендель, Больцман, Эйнштейн, Вавилов. В советской философии – Э. Ильенков [10]. Таких примеров бесчисленное множество.

С тех пор, как в научном сообществе утверждается определённая новая мировоззренческая или научная парадигма, большинство принявших её известных учёных и начинающих исследователей продолжают работу по её дополнению, обоснованию, развитию, и свои исследования ведут в рамках (границах) «дозволенного» парадигмой толкования предмета познания. То же, что противоречит ей, отвергается, не принимается во внимание, замалчивается, а тех, кто не согласен с принятой парадигмой, в свою очередь, ждёт участь борцов за новое.

Поскольку все ключевые посты в иерархически построенных структурах научных организаций занимают сторонники господствующей парадигмы, работающие в её рамках, то они и решают, где истинное знание, а где ложное, что имеет будущее, а что нет, какие исследования поддержать и финансировать, а какие закрыть, свернуть, обвинить в антинаучности и т.п. Фактически получается следующее. На этапе господства нормальной науки официальные научные структуры и их представители держатся за старое и стоят на страже признанного, известного и препятствуют прогрессу научного знания, тормозят развитие науки и разными способами борются с носителями новых идей, концепций, теорий. Поэтому не зря Б. Спиноза говорил: «Академии, основанные на государственном счёте, учреждаются не столько для развития умов, сколько для их обуздания» [11, с. 583].

В принципе социальные науки и философия могут (в отличие от естественных и технических наук, как это было в СССР и фашистской Германии) успешно развиваться только в свободном обществе свободного творчества. Но до сих пор везде, как и прежде, «научный мир применяет к “своим” еретикам самые суровые карательные санкции, какие может предложить эта сравнительно терпимая цивилизация» [12, с. 219]. Сейчас не сжигают как в Средние века, не травят цикутой, не отправляют в концлагеря, но всё ещё изгоняют из страны (философский пароход, диссиденты), доводят до психбольницы, замалчивают и т.п. Справедливости ради надо сказать, что часто такие меры иницируются и принимаются не самим научным сообществом, а властями. Но эти меры всегда осуществляются при молчаливом согласии или одобрении самих деятелей науки, их представителей в экспертных структурах, которые стоят на страже принятой мировоззренческой парадигмы (марксизм, фашизм, та или иная религиозная доктрина),

которые выполняют функции своеобразных «социальных фильтров», сквозь которые могут пройти только разрешённые идеи, концепции, теории [13, с. 9-10]. Весь этот кошмар обусловлен в известной мере тем, что в человеческой популяции «на 96% рядовых людей приходится всего 4% “ненормально” продвинутых интеллектуалов» и «соответственно в научном сообществе к эвристической (новаторской) умственной работе способны лишь 4% учёных, которые отклоняются от традиционной (нормальной – Ю.О.) науки. Напротив, 96% учёных остаются в рамках существующих традиций (в рамках господствующей парадигмы – Ю.О.), что при известном профессионализме не требует напряжённой работы ума» [14, с. 188, 51]. Несмотря на то, что в эпоху нормальной науки все учёные так или иначе работают в рамках господствующей парадигмы, только незначительный процент из них готов к креативному творчеству, выходящему за пределы установленных парадигмой границ. Они являются бродилом, способствующим появлению и утверждению принципиально нового знания. Из них появляются те, кто противостоит устоявшейся парадигме или консенсусу в науке, кто вносит смуту в научное сообщество и определяет тренд развития новой парадигмы. Основная же масса научного сообщества, оставаясь приверженцами и ортодоксами устоявшейся парадигмы, не способны к творчеству нового, отвергают, не принимают всякие новшества не только в силу неспособности к креативной деятельности и косности мировоззрения, но и нежелания оказаться на периферии доминирующей теории и страха потерять статус и место в научной иерархии. Они перестают заниматься исследованием нового, а в лучшем случае предпочитают комментировать, интерпретировать и конкретизировать уже известное в сформировавшейся парадигме. Они не ориентируются на прорывные новые исследования. Они идут от парадигмы к реальности, а не наоборот, т.е. занимаются не исследованием сущности, а толкованием, подтверждением или отрицанием и обсуждением известного, опираясь не столько на факты, сколько на авторитеты. Они ограничиваются частностями, не подвергая сомнению центральное положение парадигмы. Исследования, проводимые под эгидой парадигмы, стремятся сгладить разногласия; они похожи на разработку одной «идеи»: технологической, экономической, художественной [15, с. 146] или философской. Философия в это время как бы ступенька выветривается. Она уже не занимается собственно философскими – мировоззренческими проблемами. Её представители не занимаются фундаментальными судьбоносными вопросами,

а обращаются к философским проблемам частных наук: математики, лингвистики, биологии, экологии и т.п., занимаются конкретикой. Философия становится служанкой частных наук, а не наоборот. С развитием конкретных специальных наук, отпочковывающихся от философии, происходит как бы её отрицание. «Философы, которые когда-то были изобретателями новых мировоззрений и учили как критически относиться к status quo, ныне превратились в его наиболее преданных слуг...» [16, с. 499]. В силу этого они фактически отстают от темпов развития науки и являются тормозом прогресса. Их стараниями нормальная наука обрекается на застой, топтание на месте. Особенностью нормальной науки является «нетерпимое отношение к тем, кто отказывается признавать монополию теории (или мировоззрения – Ю.О.), принимаемой нормальной наукой в качестве своей парадигмы». Они мешают жить спокойно. Поэтому для этого времени характерны поиски «ведьм» и инакомыслящих еретиков. Но с ними теперь не спорят. Их нейтрализуют не аргументами, а идеологическими клише и административными мерами [17, с. 68, 113, 139, 192].

Во времена нормальной науки появляются её отщепенцы, диссиденты, изменники и предатели. В это время возникает понятие «недиссертационная тема», т.е. тема диссертационного исследования, которая в принципе не может быть защищена, поскольку противоречит принятой доктрине, на страже которой стоит «социальный фильтр» – специализированный диссертационный совет, состоящий из полномочных представителей статусного уровня, которые в своё время прошли селективный отбор и показали свою приверженность господствующей парадигме. Они наделены правом кооптировать в свой состав служителей действующей парадигмы. При этом срабатывает механизм, подобный принципу демократии. Достойный избирается большинством голосов. Однако вотирование в статусную страту осуществляется не снизу вверх всеобщим голосованием, а в обратном порядке – локальной баллотировкой жюри в корпорацию единомышленников [18, с. 132].

В эпоху нормальной науки социальные науки занимаются или апологетикой существующего порядка вещей или же конкретизированием моделей его модернизации с сохранением социальной сущности общественного способа производства. В СССР это были: военный коммунизм, НЭП, зрелый социализм, развитый социализм. В этом суть бесплодности и фиаско советской социальной философии и науки.

Похожее состояние присуще социальной науке и философии постсоветской России. Сейчас это мо-

дели типа информационного, постиндустриального, открытого общества, общества знаний и т.п. Или же на основе гипостазирования определённой вымышленной идеи строят иллюзорные миры, никак не связанные с реальностью – «общество всеобщего благоденствия». С крушением СССР социальная наука не предложила качественно новую теорию бытия социума, а вместо псевдомарксистской парадигмы социального бытия приняла буржуазную мировоззренческую и социальную парадигму социальной жизнедеятельности и её толкования. Прежняя структура и организация научной деятельности на протяжении почти тридцати лет не претерпела никакой существенной реорганизации. Только понизились финансирование и статус науки и учёных. Они превратились в одну из обездоленных сфер и социальных страт социума. Однако, в известных обстоятельствах старая структура может кардинально изменить свою функцию, не изменяя в такой же мере своей формы [2, с. 313]. Российская наука вместо ортодоксального марксизма стала в большей части ориентироваться на ортодоксальный либерализм. Хотя, конечно, в ней есть приверженцы и других мировоззренческих и научных ориентаций, которые не имеют заметного влияния, но находятся в рамках одной общей большой парадигмы. В силу специфики бытия науки в рамках нормальной науки, принятая российским обществом буржуазная парадигма, выступая тормозом для новых идей, обрекает её на весь конгломерат прежних ограничений понимания реальности, отсутствие революционного творчества и бесплодность. В современной России это состояние науки ощущается во всех слоях общества. Не случайно здесь резко упал престиж науки и учёных, авторитет ведущей научной организации – РАН. Поэтому под предлогом реформирования высшей школы и Академии наук, не считаясь с мнением учёных, их фактически уничтожают при отсутствии какого-либо сочувствия со стороны общественности. Ввиду этого приходится усомниться в том, что наша наука представляет собой главную производительную силу общества, а её носители являются его интеллектуальной элитой. Если бы это было так, то наука смогла бы защитить себя, оказывать заметное влияние на развитие общества, определять пути эволюции и бытия социума, а не вести жалкое полуголодное существование. И это не клевета, не опорочивание отечественной науки. Достаточно сравнить финансирование науки в России даже не со странами-лидерами по уровню благосостояния, а с небольшими европейскими и азиатскими государствами. И это не праздные рассуждения. Современная наука и научная

деятельность – ресурсоёмкое удовольствие, и их результативность, престиж или маргинальность в большой мере зависят от наличия или дефицита ресурсов [19, с. 467] и отношения к ним власти и бизнеса. Деньги, в известной мере, продвигают идеи или тормозят их развитие и внедрение в зависимости от интересов инвесторов.

Как видим, картина печальная. Между тем в конце туннеля нормальной науки забрезжил свет становления новой мировоззренческой парадигмы, а вместе с ним и оптимизм относительно преодоления застоя в развитии всех наук, включая социальные, поскольку в контексте новой мировоззренческой парадигмы, адекватно отражающей реальное место и роль человека в природе и обществе, по-новому видятся традиционные проблемы и возможные мегатренды их эволюции, словом, перед наукой возникают новые актуальные вопросы, требующие нетривиальных решений. Возникает актуальная потребность в выдвижении новых креативных исследователей. И если прежде такими часто были дилетанты, люди, не связанные с официальной наукой, или не зашоренные парадигмальными нормами принятой научной ориентации [20], то теперь таковыми могут быть образованные учёные-энциклопедисты, люди, способные работать на стыке наук, там, где сейчас зреют предпосылки для прорывных исследований и создания целостной картины мира, преодолевающей эвристические возможности узкой специализации, когда наука знает всё обо всём, но не знает целого.

Люди, способные к производству нестандартных идей и теорий, имеются всегда. В эпоху господства нормальной науки они существуют на периферии науки как некие маргиналы, идеи которых не принимаются парадигмальным большинством. Но истина не всегда на стороне большинства. Приходит время и тот, кто был никем, становится всем. Происходит революционная смена парадигм и трудно становится тем, кто не успел это вовремя осознать и заметить новые тенденции в развитии науки.

Изнутри парадигмальной системы трудно заметить и открыть новое, оно за рамками парадигмы. Однако будущее уже присутствует в настоящем, вначале в виде неких априорных – теоретических прозрениях. Т.е. в неких идеях, гипотезах, концепциях, построенных на основании изучения ещё не полностью созревших и ставших реальностью объектов, процессов и явлений и благодаря экстраполяции смутно просматривающихся в настоящее время тенденций на будущее. Такими, к примеру, были мировоззренческие прозрения представителей эволюционно-проективной философии русского космизма в области «воскреше-

ния отцов» (Н.Ф. Фёдоров), управления временем (В.Н. Муравьёв), ядерного омницида и становления отдельного конкретного человека фактором эволюции планетарного целого (В.И. Вернадский), покорения космоса (К.И. Циолковский). Со временем теоретически осознанные тенденции становятся чувственно-зримыми. Прозрения немногих проходят верификацию практикой. Сейчас некоторые идеи русских космистов, воспринимавшиеся прежде как бредовые, далёкие от науки, маргинальные, воплощаются в реальность. Признаются и многие другие идеи и теории, ранее противоречившие господствовавшей парадигме и отвергавшиеся её адептами. Накоплено множество фактов, противоречащих принятым представлениям о месте и роли человека в природе и обществе.

Приближается звёздный час реанимации философии, обретение ею утраченного в результате отпочкования от неё конкретных наук статуса синтетического знания, дающего наиболее общую картину мира и методологию познания целого социоприродного Универсума. Путём отрицания отрицания философия должна обрести свой подлинный предмет и место в системе человеческого знания. Для этого есть все основания.

Поскольку на этапе предыстории общество развивается как естественноисторический процесс, в нём сознание отстаёт от реального бытия. Поэтому Г.В.Ф. Гегель в своё время говорил: «Сова Минервы начинает свой полёт лишь с наступлением сумерек», т.е. «философия всегда приходит слишком поздно... она проявляется лишь после того как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения» [21, с. 56]. Смысл этого пассажа в том, что новое философское мировоззрение начинает господствовать не тогда, когда его основные положения сформировались в сознании одиночек, а тогда, когда оно стало достоянием масс, когда философское мировоззрение становится господствующей парадигмой, определяющей познание, бытие и методы преобразования мира. Сейчас не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы воочию убедиться и понять, что коренным образом меняется место и роль человека в пространстве и времени бытия природы и общества. С развитием нанотехнологий человек обрёл способность изменять не только форму вещества природы, подвергающейся его преобразовательной деятельности, но и глубинную структуру самой материи, т.е. творить искусственную вторую природу, качественно отличную от естественно возникшей и существующей. Опираясь на достижения генетики, человек способен создавать неизвестные природе живые организмы

и клонировать (воспроизводить) по генетическому материалу давно вымершие существа. В принципе, наука даёт возможность в реальном времени отслеживать фундаментальные физиологические показатели гомеостаза человеческого организма и корректировать сбои в его работе. Это открывает возможность существенно продлить срок жизни и тем самым улучшить её качество, т.е. реально управлять временем жизни [22]. Поддержание биогенных констант бытия определённых экосистем открывает возможность с помощью экологического производства преодолеть пространственную ограниченность бытия планетарной биоты и создаёт необходимые биогенные предпосылки для обеспечения безграничного бытия человека и общества в пространстве и времени. Мощностные процессы, инициируемые нанотехнологиями, уже сделала отдельного конкретного человека, контролирующего их, фактором эволюции планетарного социоприродного Универсума [23]. Подобные примеры коренного изменения места и роли человека в природе, обществе можно продолжать довольно долго. Однако сумма научно-практических достижений без философского мировоззренческого синтеза не складывается в определённую картину мира, а существует как не связанная в единое целое совокупность элементов мозаики. Дело философии и философов, наблюдая мир через призму достижений науки и практики, сформулировать новую мировоззренческую парадигму, адекватно отражающую современные тенденции развития социоприродного Универсума. Знание и понимание целого как некоей взаимосвязанной и взаимообусловленной, определённым образом скоррелированной целостности обеспечит возможность предвидеть возникновение и существование таких сущностей, которые сейчас ещё отчётливо не просматриваются. Знание целого уберёжет от действий, чреватых нежелательными последствиями для бытия человечества [24, с. 53-60].

В настоящее время наиболее актуальной и подлинно философской задачей является создание новой мировоззренческой парадигмы, которая даёт импульс развитию всех наук, и социальных в особенности, и качественно преобразует способ бытия социальной формы движения материи в мире. Это, на наш взгляд, не столько главная проблема, но основная миссия философии в современном обществе. На этом направлении сегодня должны быть сосредоточены основные усилия философов. Только на пути формирования новой, адекватной современному этапу развития общества, философской мировоззренческой парадигмы возможно преодоление концептуальной бесплодности социальных наук.

Список литературы:

1. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение: в 2 ч. М.: Научный эксперт, 2012. Ч. 1 – 464 с., Ч. 2 – 384 с.
2. Вудс А., Грант Т. Бунтующий разум: Марксистская философия и современная наука / Пер. с англ. Ю.В. Жулий. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 491.
3. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Соч. М.: Правда, 1989. С. 48-52.
4. Монтень М. Опыты. Избранные главы. М.: Правда, 1991. С. 106.
5. Камю А. Записки бунтаря. М.: Астрель, 2011. С. 98.
6. Бояринцев В.И. АнтиЭйнштейн. Главный миф XX века. М.: Яуза, 2005. 320 с.
7. Крылова И.А. Нужно ли реформировать РАН – «мозговой центр страны» // Философские науки. 2015. № 4. С. 21-31.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 1. М., 1954. С. 77.
9. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010. С. 128, 198.
10. Ильенков Э.В., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с.
11. Поздняков Э.А. Природа и сущность человека (мысли мизантропа и обскуранта). М.: Бослен, 2011. С. 583.
12. Фейерабенд П. Как защитить общество от науки // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 3. № 1. С. 219.
13. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / Пер. с англ. А.В. Александровой. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 9-10.
14. Клягин Н.В. Современная антропология. М.: Логос, 2014. С. 188, 51.
15. Леотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998. С. 146.
16. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; Общ. ред. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1986. С. 499.
17. Ивин А.А. Введение в философию истории. М.: Гуманист. Изд. Центр ВЛАДОС, 1997. С. 68, 113, 139, 192.
18. Карпов А.О. Образовательный институт, власть и общество в эпоху роста культуры знаний. СПб.: Алетейя, 2013. С. 132.
19. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. С. 467.
20. Ацюковский В.А., Буркович Д.А. Науку спасут дилетанты. М.: Петит, 2007. 267 с.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нарсесянц. М.: Мысль, 1990. С. 56.
22. Панчин А. Сумма биотехнологий. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. 432 с.
23. Олейников Ю.В., Борзова Т.В. Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ). М.: Изд-во РГСУ, 2008. 460 с.
24. Олейников Ю.В. Становление новой мировоззренческой парадигмы // Философские науки. 2015. № 10. С. 53-60.

References (transliterated):

1. Kara-Murza S.G. Krizisnoe obshchestvovedenie: v 2 ch. M.: Nauchnyi ekspert, 2012. Ch. 1 – 464 s., Ch. 2 – 384 s.
2. Vuds A., Grant T. Buntuyushchii razum: Marksistskaya filosofiya i sovremennaya nauka / Per. s angl. Yu.V. Zhulii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 491.
3. Shpet G.G. Ocherk razvitiya russkoi filosofii // Shpet G.G. Soch. M.: Pravda, 1989. S. 48-52.
4. Monten' M. Opaty. Izbrannye glavy. M.: Pravda, 1991. S. 106.
5. Kamyu A. Zapiski buntarya. M.: Astrel', 2011. S. 98.
6. Boyarintsev V.I. AntiEinshtein. Glavnyi mif XX veka. M.: Yauza, 2005. 320 s.
7. Krylova I.A. Nuzhno li reformirovat' RAN – «mozgovoi tsentr strany» // Filosofskie nauki. 2015. № 4. S. 21-31.
8. Marks K., Engel's F. Sobr. soch.: v 50 t. T. 1. M., 1954. S. 77.
9. Feierabend P. Nauka v svobodnom obshchestve. M.: AST, 2010. S. 128, 198.
10. Il'enkov E.V., Korovikov V. Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954-1955) / Avt.-sost. E. Illesh. M.: «Kanon +» ROOI «Reabilitatsiya», 2016. 272 s.
11. Pozdnyakov E.A. Priroda i sushchnost' cheloveka (mysli mizantropa i obskuranta). M.: Boslen. 2011. S. 583.
12. Feierabend P. Kak zashchitit' obshchestvo ot nauki // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2015. T. 3. № 1. S. 219.
13. Fromm E. Velichie i ogranichennost' teorii Freida / Per. s angl. A.V. Aleksandrovoi. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2012. S. 9-10.
14. Klyagin N.V. Sovremennaya antropologiya. M.: Logos, 2014. S. 188, 51.
15. Leotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna / Per. s frants. N.A. Shmatko. SPb.: Aleteiya, 1998. S. 146.
16. Feierabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki / Per. s angl. i nem. A.L. Nikiforova; Obshch. red. I.S. Narskogo. M.: Progress, 1986. S. 499.
17. Ivin A.A. Vvedenie v filosofiyu istorii. M.: Gumanist. Izd. Tsentr VLADOS, 1997. S. 68, 113, 139, 192.
18. Karpov A.O. Obrazovatel'nyi institut, vlast' i obshchestvo v epokhu rosta kul'tury znaniy. SPb.: Aleteiya, 2013. S. 132.
19. Kasavin I.T. Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy. M.: Al'fa-M, 2013. S. 467.
20. Atsyukovskii V.A., Burkovich D.A. Nauku spasut diletanty. M.: Petit, 2007. 267 s.
21. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava / Per. s nem.; Red. i sost. D.A. Kerimov i V.S. Narsesyants. M.: Mysl', 1990. S. 56.
22. Panchin A. Summa biotekhnologii. Rukovodstvo po bor'be s mifami o geneticheskoi modifikatsii rasteniy, zhivotnykh i lyudei. M.: Izd-vo AST: CORPUS, 2016. 432 s.
23. Oleinikov Yu.V., Borzova T.V. Ekologicheskoe vzaimodeistvie obshchestva s prirodoi (filosofskii analiz). M.: Izd-vo RGSU, 2008. 460 s.
24. Oleinikov Yu.V. Stanovlenie novoi mirovozzrencheskoi paradigmy // Filosofskie nauki. 2015. № 10. S. 53-60.